

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

Б. П. Полевой, Ч. М. Таксами

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ СВЕДЕНИЯ О НИВХАХ-ГИЛЯКАХ

В последнее время у этнографов и историков заметно возрос интерес к нивхам — одной из самых загадочных народностей Дальнего Востока. Внимание исследователей привлекает буквально все: вопросы этногенеза нивхов, их материальная культура, общественный строй, особенности языка и, наконец, их связи с другими народами Дальнего Востока. Последние обычно описываются довольно поверхностно, а в иностранной литературе — часто с существенным искажением фактов. Поэтому нам и представляется весьма важным, опираясь как на опубликованные, так и неопубликованные источники, начать разработку истории сношений нивхов с другими народами. В данной статье мы стремимся, во-первых, воссоздать наиболее подробно историю древнейших контактов между русскими и нивхами, во-вторых, дать краткую сводку ранних русских сведений о самих нивхах-гиляках¹.

Первые сведения, относившиеся к нивхам, были получены русскими летом 1639 г. Именно тогда известный основатель Братского острога Максим Перфильев от местных эвенков на Витиме узнал, что в устье р. Шилки (т. е. Амура) живут «килорцы, которые будто бы торгуют с «китайскими людьми», приезжающими к ним с «Ламы на судах»» [5, т. 2, 259]. К сожалению, в этом сообщении были допущены сразу же две ошибки. Во-первых, нивхи-гиляки были неправильно названы «килорцами». В данном случае к ним по созвучию было отнесено наименование одного из тунгусских племен (киляры, килеры, киле), живших не у устья Амура, а на территории, располагавшейся от средней части Охотского побережья до северных притоков нижнего Амура (Амгуни и Горина). Во-вторых, хотя нивхи при посредничестве других народов Приамурья иногда и получали изделия китайского происхождения, они в непосредственный контакт с китайцами никогда не входили. Последние в северную часть Японского моря и тем более в приамурскую часть Охотского моря не плавали, китайские изделия поступали к нивхам только с континента, преимущественно от жителей средней части Амура.

¹ Гиляки — фонетически измененное слово *гилями, гилыми, гелами* тунгусо-язычных народов, которым они называют аборигенов нижнего Амура — нивхов. Это слово может быть переведено как «люди, гребущие на больших лодках парными веслами». Именно на Амуре эвенки впервые увидели, как нивхи пользовались этим способом гребли, что дало им повод назвать таким образом нивхов. Исторические источники, в том числе и приводимые в настоящей статье сообщения первых русских землепроходцев, также подтверждают, что у нивхов имелись большие многовесельные лодки, на которых сидело много (порою до 20—40) гребцов.

Витимские эвенки справедливо указывали, что нивхи, живущие у устья Амура, имели «свой язык». Действительно, язык нивхов резко отличался от всех других языков народов Дальнего Востока.

Совершенно особого внимания заслуживает сообщение витимских эвенков о том, что у нивхов «и мечети-де и грамота у них на усть Шилки есть» [5, т. 2, 259]. Хотя сами нивхи не имели ни письменности, ни «мечетей», достоверно известно, что именно в «земле гиляков» у селения Тыр еще в XIV в. были возведены знаменитые Тырские памятники — храм и каменные столбы с надписями на трех языках [6, т. 1, 405—406; 8, 335—344; 24, 15—17].

Неизмеримо полнее были сведения о нивхах, полученные участниками похода И. Ю. Москвитина — первого русского похода на Тихий океан [27, 45; 28, 13]. Как указывается в «скаске» казака Нехорошего Колобова, весной 1640 г. москвитинцы на устье р. Ульи услышали от одного эвена, что «от них направо, в летнюю сторону, на море, по островам, живут тынгусы ж, гиляки сидячие, а у них медведи кормленные» [9, 140; 26, 447]. Эти известия о гиляках-нивхах заинтересовали москвитинцев, и они решили отправиться к ним на двух семнадцатиметровых кочах. В недавно найденных П. Т. Яковлевой подробных «расспросных речах» Ивана Москвитина об этом их интереснейшем плавании 1640 г. говорится следующее:

«А морем шли с вожами подле берег к гилятцкой орде, к островам. И как немного островов гилятцкие орды не дошли за днище, и вышли на берег, и грешною мерою у них ушел вож. И оне, Ивашко с товарищи, после вожа до островов дошли. И гилятцкая земля объявилась, и дымы оказались, и оне без вожей в нее итти не смели, потому что люди многия, и их голод изнял, и почали есть траву, и оне от голоду воротились назад. И пришли к берегу в речку, и изымали мужика тунгуса, и тому тунгусу стали сказывать про острова, где оне, Ивашко с товарищи, были. И тот тунгус им говорил, что были-де оне тут, где гилятцкая орда, от коих островов воротились². И тот же тунгус сказывал им, за тем-де островом пала в море река Омур. И по Омуру на усть реки живут сидящие люди деревнями, в трех деревнях триста человек... а хоромы у них, сказывают, избы и дворы, как у русских людей... а крепости у них окол тех деревень никакой нет, а бой лушной да копейной» [18, 29].

Для каждого этнографа очевидно, что острова «сидячих гиляк», т. е. оседлых нивхов, имевших «медведей кормленных» в особых «клетях», расположены лишь восточнее Петровской косы в Сахалинском заливе и в Амурском лимане. Под этими «островами гилятцкой орды» в первую очередь подразумевали о-ва Удд, Лангр и самый крупный из них — Сахалин, северные берега которого видны с моря в некоторых районах еще до подхода к Петровской косе. Русские, длительное время имевшие дело лишь с тунгусскими легкими юртами, особо заинтересовались тем, что гиляки-нивхи строили деревянные «избы». У нивхов эти постройки назывались «чадрыф» [29, 120—133].

Тогда же до русских дошли первые туманные известия о войнах, которые нивхи вели с «бородатыми людьми», т. е. с сахалинскими айнами [20, 10—12; 26, 447; 30, 40—43].

Особое внимание москвитинцы обратили на вооружение нивхов. И это вполне понятно, так как именно они первыми подняли вопрос о желательности скорейшего подчинения России всего Приамурья,

² Казак Н. И. Колобов также указывал, что участники похода Ивана Москвитина «гиляков», которые живут по островам, тех проходили». Далее он добавлял: «А то де амурское устье они видели через кошку [косу]» [9, 140].

в первую очередь «земли пияльков». По мнению И. Ю. Москвитина, для этого в Приамурье необходимо было послать около тысячи казаков [18, 31—33; 20, 58—69]. Особенно настойчиво москвитинцы отстаивали свой план у себя на родине в Томске осенью 1645 г. Сам И. Ю. Москвитин утверждал, что, идя из Томска, с зимовками в Енисейске, на Илимском-Ленском волоке и, наконец, у Джугджура «на морском волоку», служилые люди уже в четвертом году смогут наконец по морю «дойти до Омуру реки» и там над местными жителями «промышлять тем же летом, сколько милосердный бог милости своей подаст» [18, 35].

Москвитинцы тогда еще не знали, что первый якутский воевода, П. П. Головин, организовал в 1643 г. новый большой поход в Приамурье, во главе которого был поставлен его ближайший помощник — письменный голова Василий Данилович Поярков. И именно В. Д. Пояркову и его спутникам довелось первыми из русских вступить в прямой контакт с нивхами-гиляками осенью 1644 г.

Из-за того, что многие участники этого похода погибли от голода на Зее и во время военных столкновений с даурами и нанайцами, до земли гиляков смогли дойти лишь около 60 человек. «А на усть Амура реки живут гиляки — род свой, по обе стороны, — сообщили участники похода В. Д. Пояркова в ноябре 1645 г. — А плыли гиляками до усть Амура 8 дней. А гиляки люди сидячие же, а хлеба не пашут, живут рыбкою все, а ясаку-де они не дают. А человек их больши... тысячи»³. Последняя фраза написана небрежно: после слова «больши» стоит неясно начертанная буква — возможно, это буквенное обозначение числа тысяч.

Для нас в этом сообщении особо важна фраза о том, что нивхи «ясаку не платят». Она означала не только то, что нивхи никогда не были подчинены маньчжурам или китайцам, но и то, что перед русскими открывалась возможность подчинить нивхов своей власти. И, естественно, поярковцы сами пожелали воспользоваться возможностью, чтобы присоединить «землю гиляков» к владениям России. Однако из-за своего «малолюдства» они не стали форсировать события. Поэтому первоначально участники похода решили проявить осторожность: они предпочли ограничиться установлением торговых отношений с гиляками-нивхами — «покупали у них рыбу и дрова»⁴. Это помогло им организовать сбор общих сведений о нивхах. Так поярковцы узнали, что «к морю самому и около моря по губам живут гиляки улусами и ордою... а в тех гиляцких улусах юрты и клети рубленые, безоконные, а кормятся все рыбкою»⁵. Другие нивхи занимали острова. Особенно много их было на Сахалине. 9 ноября 1645 г. поярковец Микула Тимофеев и его товарищи сообщили в Якутской приказной избе: «Гиляки сказывали: есть-де на усть Амура реки в губе остров, а на том-де острову дватцать четыре улуса, а живут-де гиляки ж, а в улусе-де юрт по сту и по пятидесяти и подле моря-де есть четыре улуса, а в улусе-де юрт по сту»⁶.

³ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 360. Сам В. Д. Поярков спустя семь месяцев, в июне 1646 г., почти дословно повторил в Якутске это же сообщение: «А гиляками плыл и до моря две недели же, а гиляки сидячие, живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбкою, ясаку они, гиляки, хану не дают» [5, т. 3, 55].

⁴ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 363.

⁵ Там же, л. 139, л. 41. Аналогичное сообщение см.: [5, т. 3, 57].

⁶ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 363 об, см. также: [11, 548; 20, 26].

Тогда же участники похода В. Д. Пояркова впервые узнали, что у нивхов Сахалина имеется в избытке продовольствие и пушнина: «А на острове ж рыбы много ж всякой и соболя-де на острове у гиляков много ж есть, а потому что-де они, гиляки, ни с кем не торгуют» [3, 601; 4, 135; 11, 548; 20, 26].

Естественно, поярковцы также стремились узнать, какие пути существуют с материка на Сахалин, и пришли к выводу, что им выгоднее всего отправиться на остров через Татарский пролив зимой. «А от усть Амура,—сообщали они,—до острова до гиляцкого мерзнет лед, ставает вовсе...» [там же].

Поярковцы собрали и некоторые новые сведения о южных соседях сахалинских нивхов — айнах. «Гиляки сказывали нам, служилым людям, — рассказывал казак Микула Тимофеев и его пять товарищей в Якутске 9 ноября 1645 г., — есть-де подле моря черные люди, а называют-де их куями, а живут-де они подле моря по правую сторону [от устья Амура]» [там же].

Лишь после того как были собраны достаточно подробные сведения о гиляках-нивхах, участники похода предприняли первые попытки получить с них ясак. С этой целью еще в конце 1644 г. в устье Амура был взят самый первый аманат (заложник): «И под тово-де аманата ясак взяли»⁷. Поскольку нивхи не стали оказывать сопротивления, поярковцы, несмотря на свою малочисленность, решили взять в аманаты еще несколько нивхов, в том числе влиятельного «лучшего мужика» нивха Баляя. Последний не мог примириться с тем, что русские взяли его «в железа», на глазах у русских отсек свою закованную ногу топором. Опасаясь, что этот поступок Баляя вызовет среди нивхов волнения, В. Д. Поярков решил освободить почти всех аманатов, чем вызвал недовольство у некоторых участников похода. Поэтому вскоре по приказу В. Д. Пояркова был в аманаты взят сын нивха «Гиманева». Под этого аманата поярковцы смогли получить около 40 соболей⁸.

Действия такого рода, естественно, осложнили обстановку, что и привело к первому незначительному столкновению между поярковцами и нивхами в районе устья Амура. Казак Микула Тимофеев рассказывал об этом так: «Да гиляцкие же люди приезжали к нему, Василию, в лодках, и он-де, Василий, побоялся их гиляков, чаял приехали з заводом. И он-де, Василей, убил у них двух мужиков, и они-де, гиляки, прочь отъехали»⁹. Но, видимо, этот инцидент не имел особых последствий, так как Микула Тимофеев тут же добавил: «А после-де тово они, гиляки, и опять приезжали торговать к нему, Василию»¹⁰.

В своем официальном отчете В. Д. Поярков также сообщал о взятии нивхских аманатов: «А на усть Амура реки зимовали и, Божею милостию и государским счастьем, гиляцких аманатов поимал трех человек, Сельдюгу, да Килему, да Котюгу Доскины, а в роспросе ему, Василью, сказали у себя, Сельдюга два улуса, в одном Мингалском 100 человек, а в другом в Гогудинском 150 человек, Килема у него Ончинского улусу, а в нем 200 человек, а Котюга Доскины сказал: у отца его Доскины 5 улусов Калгуйские, а в них 250 человек, да подле их иные улусы, живут чагодальцы, мужик Чеготот, а у него 4 улуса, а людей в них 300 человек, Кульца улус, а в нем князец Муготтел, у него сорок человек, да того же улусу у Рыгана тридцать человек, да

⁷ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 1, д. 43, л. 360.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Тактинского улусу князец Узиму¹¹, у него 100 человек; и с них аманатов ясаку взял 12 сороков соболей да 6 шуб собольих и тех аманатов с собою в Якутский острог привез» [5, т. 3, 55]¹².

Трех аманатов из нивхов В. Д. Поярков решил отвезти в Якутск. Он надеялся, что русским удастся прочно закрепить за Россией всю «землю гиляков». Поярковцы рассчитывали, что туда будут организованы новые походы с целью сбора ясака в самое ближайшее время, и желали принять участие в таком походе. Но их надежды не оправдались.

В 1645 г. в Якутске произошли большие перемены. За злоупотребления главный покровитель В. Д. Пояркова — якутский воевода П. П. Головин — был отстранен от должности. В опалу попал и сам «начальный человек» Амурского похода как ближайший сотрудник бывшего воеводы [15, 124]. Положение В. Д. Пояркова еще более осложнилось в связи с тем, что его уличили в попытке утаить часть пушнины, привезенной из похода. В этих условиях не могло быть и речи об отправке Пояркова в новый поход в «землю гиляков».

Судьба трех нивхских аманатов, привезенных в Якутск, сложилась неудачно. Сперва их поместили в «казенку» аманатского двора, назначили «прокорм» и запросили у правительства дальнейших распоряжений. Через полтора года пришел наказ из Сибирского приказа везти «гиляцких аманатов» в Москву. Таков уж был обычай тех времен: представителей новых народностей, присоединенных к России, привозили в Москву. Там им устраивали особый прием, показывали «стольный град», вручали подарки и затем возвращали на родину, с тем, чтобы они могли бы своим сородичам рассказать о величии Московского государства. Но трем нивхам, взятым В. Д. Поярковым в

¹¹ Под «Мингальским улусом» здесь, вероятнее всего, подразумевалось нивхское селение Мангаль. Б. О. Долгих видит в нем ульчское селение Монголь [3, 601], но ульчей на Амуре тогда, видимо, еще не было. «Гогудинский улус» — скорее всего амгунское селение Гуги, а «Тактинский улус» — Такта. «Кульца улус» — видимо, селение Кульчи (Б. О. Долгих считал, что это селение Коль [3, 601]). О том, что поярковцы были в нивхских селениях, носящих название Коль, ясно видно, во-первых, по тому, то они, идя из Амурского лимана вдоль Охотского побережья, действительно «каждую губу обходили» [11, 550—551], и, во-вторых, по тому, что сам В. Д. Поярков справедливо указывал, что «около моря по губам живут гиляки же, улусами, у которых он аманатов взял» [5, т. 3, 57]. Конечно, не исключена возможность, что В. Д. Поярков называл одноименные селения Коль «Калгуйскими улусами». Численность населения, указанная В. Д. Поярковым, безусловно, более подходит к одноименным нивхским селениям Коль. Но Б. О. Долгих считает одним из Калгуйских улусов нивхское селение Калго. Название «Ончинский улус» пока осталось неопределенным. Под «чагодальцами» скорее всего имелись в виду жители селения Чагота.

¹² К сожалению, до сих пор исследователям не удалось обнаружить подлинных учетных книг, которые вели поярковцы во время своего похода. В этих книгах, особенно ясачных и destinatoй таможенной соболиного промысла, несомненно, должны быть очень ценные дополнительные сведения о деловых взаимоотношениях между русскими и нивхами. Вспомним, какое огромное значение имела для исследователей находка Б. О. Долгих ясачной книги амурских казаков 1655—1656 гг. [3, 592—600; 4, 132—134]. При формировании особого фонда ясачных книг в ЦГАДА (ф. Якутская приказная изба, оп. 4) был обнаружен лишь один отрывок из ясачной книги похода В. Д. Пояркова [15, 125]. Однако мы также еще надеемся на находку книги таможенного сбора, которая велась в походе В. Д. Пояркова. Дело в том, что она еще числилась в подробной описи дел «якутской архивы» 1703 г. под названием «Книга приходная десятинная таможенного соболиного збору целовальника Фильки Гаврилова, который был с письменным головою с Василием Поярковым в Пегой орде с промышленными людьми, которые были на службе на гиляцких и на даурских иноземцев по Амуру и по Улью рекам 152 и 153 и 154 годов за приписью дьяка Петра Стеншина и за руками целовальника Фильки Гаврилова» (ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 1396, л. 350б.). Во время работы в ЦГАДА мы смогли убедиться в том, что почти все дела, упомянутые в этой описи, уцелели до наших дней. Поэтому не исключена возможность, что и эта книга еще будет найдена исследователями.

аманаты, так и не довелось побывать в Москве. Из недавно обнаруженных в архиве документов выяснилось, что эти «гилики с Амура», в том числе «Пыванов» и «Годымей», скончались от какого-то желудочного заболевания где-то около Сургута¹³.

Между тем новые якутские воеводы, В. Н. Пушкин и К. О. Супонев, решили организовать новый поход в «землю гиляков» в 1646 г. Соответствующее указание было дано отправленному на Охотское море казаку Семену Шелковнику. Однако это задание не было выполнено. В 1647 г. С. А. Шелковник сообщил в Якутск: «В те гиляки итти за безлюдством не посмели»¹⁴. И только в 1652 г. — во время Амурского похода Е. П. Хабарова — русские вновь смогли попасть в «землю гиляков».

Необходимо отметить, что Хабаров отнюдь не спешил к гилякам, так как его первоначально больше интересовали богатые земли дауров. И лишь стечение обстоятельств заставило русских побывать там несколько раз в 1652 г.

Первой в «землю гиляков» пришла группа казака Ивана Антонова Нагибы. Она была послана в качестве подкрепления в Амурское войско Е. П. Хабарова, но разминувшись с амурскими казаками где-то среди островов среднего течения Амура. Вскоре на казаков стали нападать большие группы дючеров (нанайцев). Создалось весьма опасное положение. Один из нанайцев «в расспросе сказал про Ярофея Павловича Хабарова, что-де он на низу в гиляках...» Тогда казаки Нагибы, «видя беду неминуемую, поплыли вниз по Амуру в гиляки...» [5, т. 3, 354]. Но и там казаков ожидали новые трудности. Нивхи-гиляки «стрегили на реке во многих стругах и с нами драку учинили и нас осадили: на берег не допустят и ни вниз, ни вверх не пропустят. И мы в осаде на якоре стояли две недели, и пить и есть стало нечего... горько было! А запасу было взять мало, и тот запас весь приели, и есть стало нечего — помирали напрасною голодною смертью. И мы, холопи государевы, увидели на юртах рыбу провесную и напустились на те юрты великою нужею, голодные, и вышли на берег за щитами и на улус напустились...» [5, т. 3, 354].

Захватив небольшой запас нивхской юколы, казаки решили по примеру поярковцев плыть к морю. Они знали, что вверх по Амуру «гиляцкие мужики не пропустят», велика была опасность и со стороны нанайцев: ведь русским пришлось бы идти против течения медленно, по-бурлацки — «бечевою». В Амурском лимане «стали по нуже для морского ходу к судам нашвы нашивать». Здесь на них «гиляцкие мужики напустились боем во многих стругах». Во время этой стычки казаки смогли «струг один пробить и в стругу мужиков побить человек с сорок». Лишь после этого Нагиба и его спутники смогли пройти «по морю на гребях» [5, т. 3, 355].

«Земля гиляков» поразила И. Нагибу и его спутников своей многолюдностью. Впоследствии они сообщили: «А на устье-де Амура реки стоят гиляцкие улусы по 200 и больше, и из губы-де с камени и за губою видят острова, на тех островах видят многие юрты, только Ивашко с товарищи на тех островах сами не бывали»¹⁵.

Вскоре казаки попали в ледовый затор и едва не погибли. С большим трудом Нагиба и его спутники добрались до р. Тугур, где и поставили свое зимовье¹⁶. Это был район, заселенный тугурскими эвен-

¹³ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 308, л. 124—126.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, кн. 504, л. 120.

¹⁵ ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 4, т. 31, л. 22об.

¹⁶ Там же, см. также: [5, т. 3, 355].

ками, и от них участники похода узнали, что ближайшие от Тугура поселения нивхов находились на расстоянии двухнедельного пути на восток. Эти данные со всей очевидностью говорят, что в середине XVII в. на Тугуре нивхов еще не было.

Осенью 1652 г. русские вторично появились в районе расселения гиляков. Произошло это при следующих обстоятельствах. 1 августа 1652 г. на устье р. Зеи в Кокоревом улусе большая группа казаков открыто выступила против своего предводителя Е. П. Хабарова. Они обвинили его в том, что он «постоянства не делает... ни в Даурской земле, ни в Дючерской земле, города не ставит и аманатов теряет, даурских и дючерских князей небрежением и нерадением, а государеву казну продает... От того себе ты, приказной человек Ярофей Хабаров, корысть получаешь велику, и мы, государевы холопи твои, подымались из Якуцкого острогу и промыслов своих на своих подъемах и будучи мы, холопи твои государевы, с ним, Ярофеем, на твоей государственной службе, задолжали вконец»¹⁷.

Резкий ответ и угрозы Е. П. Хабарова привели к тому, что значительная часть казаков (132 человека!) тут же решила, что «с ним, Ярофеем, служить стало невозможно», и потому отправилась в самостоятельный поход в «землю гиляков»¹⁸, рассчитывая прокормиться там рыбой.

Впоследствии, в августе 1653 г., в челобитной на имя царя Алексея Михайловича предводитель недовольных казаков С. В. Поляков писал: «А на низ мы, холопи твои государевы,плыли ради твоей государственой прибыли, тебе, государь, служить и свою службу тебе, государю, явить. И как мы, холопи твои государевы, доплыли до Гиляцкия земли и божиею милостью и твоим государским счастьем из девяти гиляцких родов в Гиляцкой земле девять добрых гиляцких князцев поймали и в аманаты посадили, в середе Гиляцкой земли острог поставили тебе, государю, з башнями и тарасы зарубили, и хрящем насыпали для ради иноземского приступу, и ясаку к тебе, государь, взяти до ево, Ярофеева, приплыва, и что взято ясаку и тому следует ясашные книги»¹⁹.

К сожалению, эти ясачные книги также не сохранились. Но из других документов до нас дошли имена четырех из девяти нивхских аманатов, взятых С. В. Поляковым: «Мингалча»²⁰, «Вагун», «Богданча» (он же «Обогдана») и «Сергунча»²¹. Последние два — из «Махонсково улуса», т. е. из нижнеамурского селения Маго. Именно от них С. В. Поляков и его товарищи получили сведения о таинственном народе «чижем»: «По морю живут чижемы, а от чижем идет к гилякам железо, и медь, и серебро. Родитца ли [все это] в чижемах или нет, того оне не ведают...»²². Лишь в 70-х годах XVII в. выяснилось, что под «чижемами» нивхи подразумевали японцев, которые в те времена только еще начинали осваивать южную оконечность о-ва Иедзо (Хоккайдо). Как было установлено позже, нижнеамурские нивхи узнали о существовании японцев потому, что совершали порою большие торговые поездки на южную оконечность Сахалина и северную часть Хоккайдо [21, 55—57; 34].

Тогда же С. В. Поляков и его товарищи уточнили границу между «гиляками» (нивхами) и «дючерами» (нанайцами): «А от Кидийского

¹⁷ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 460, л. 12.

¹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹ Там же, л. 14.

²⁰ Там же, л. 18.

²¹ Там же, л. 101.

²² Там же, л. 102.

улуса и до моря живут гиляки, и по устью реки Сагала (Амура) живут подле моря гиляки беспашенные»²³.

Сообщения С. В. Полякова и его спутников ценны для этнографов еще и тем, что они позволяют приблизительно определить общее число нивхов в середине XVII в. По их сведениям, в это время в «земле гиляков» было около 4 тыс. боеспособных мужчин. В этом случае со стариками и малолетними общее число мужчин могло дойти примерно до 5—6 тыс. Если же допустить, что женщин всех возрастов было столько же, то тогда общее число нивхов превысит 10 тыс. Но к этим подсчетам следует относиться осторожно, так как С. В. Поляков и его товарищи могли несколько преувеличить число мужчин в «земле гиляков».

Е. П. Хабаров не мог примириться с тем, что от него ушла большая группа казаков. Он решил заставить их силой вернуться в Амурское войско. Поэтому он и появился впервые в «земле гиляков». «А приплыл он, Ярофей,— писали С. В. Поляков и его единомышленники, — к нам, холопам твоим, сентября 30 дня [1652 г.], учал нас, холопей твоих, называть он, Ярофей, ворами и хотел нас грабить. И мы ево, Ярофеево, озорнячество видячи, жили з береженьем. И он, Ярофей, и зимовье поставил на одну улицу, и октября в 6 день приехали нижние мужики с моря в пяти стругах с твоим государевым ясаком под аманаты, которые сидели у нас, холопей твоих государевых. И он, Ярофей, послал в стругу ясаула Василия Панфилова с толмачем и служилыми людьми и велел толмачу говорить, что-де вы, мужики, ездите к ворам и ясак даете, мы-де их побьем, воров, и ваших князцов повесим. И тех гиляцких мужиков отогнал и к родникам не пустил. И тот ясак к тебе, государю, не взят. И того ж мисяца в 9 день приезжали в сороки стругах сверху Амура гиляки и порубежные дючеры с твоим государевым ясаком. И он же, Ярофей, послал того же ясаула Василия Панфилова с толмачем, и велел он, Ярофей Хабаров, отгонити гиляков и дючер также: „К ворам да вы не ездите и под аманаты ясаку не давайте“. И тут он, Ярофей, тебе, государю, не радует и твоему государеву ясашному збору учинил великую поруху. И как он, Ярофей, поставил зимовье и учинил роскаты и на роскаты вкютил пушки и велел стреляти ис пушек служилому человеку Онофрею Степанову Кузнецу да охочьему служилому человеку Титу Левонтьеву, осташковцу, и иным служилым людям велел стрелять по аманатному двору и по твоему государеву острогу и по нас, холопам твоим государевым, велел стрелять из мелкого ружья с ранново обеда и задовечерья. И мы, холопи твои государевы, не стреляли по них противно, бояся твоей государевой грозы. И видит он, Ярофей, что нас, холопей твоих, в остроге наймет, и он учал, Ярофей, умышлять как холопей твоих побить всех наголову до единовои и статки наши подуванить. И учал считать делать и умышлять своими потаковщиками и судниками своими, служилыми людьми, нас, холопей твоих государевых, побить и поймал нас, двенадцать человек, и велел палками на смерть прибить он, Ярофей. И мы, холопи твои государевы, видячи ево, Ярофеева, воровство и непостоянство, что он, Ярофей, учиняет позор твоему царскому величеству и славу недобрую и укор от иноземцев и в понос иноземским, мы, холопи твои, по совету промежу собой били челом ему, Ярофею Хабарову, чтобы он, Ярофей, не стрелял по твоему государеву острогу и нас, холопей твоих государевых, не побил и твоему государеву имени позору не учинил. И ведаючи мы, холопи твои государевы, ево, Ярофеево, лукавство, за ротою [устное обеща-

²³ Там же, л. 101.

ние] мы ему, Ярофею, отдались и в тех аманатах мы у него, Ярофея, отпись взяли, а рота была его, Ярофеева, на том, что нас было, холопей государевых, не убить, ни твоих государевых ясачных аманатов не терять, ни наших статков не грабить»²⁴.

Е. П. Хабаров не сдержал своего обещания и крайне жестоко расправился со своими противниками. В довершение всего 7 февраля 1653 г. он «велел острог сломать и сжечь кузнецам на уголье и на дрова»²⁵.

Особенно возмущались казаки тем, что Е. П. Хабаров жестоко обращался с нивхскими аманатами, взятыми еще С. В. Поляковым и его спутниками. «То-де какие аманаты,—пренебрежительно заявил Хабаров,—воры-де их поймали, что-де их беречь и возитца»²⁶. И тут же Поляков и его единомышленники вспоминали: «А с осени, государь, гиляцкие люди к нам, холопам твоим, приезжали и ясак под те аманаты, которые аманаты сидели у нас, холопей твоих государевых, хотели давать и сулили тебе, государю, ясак с полуторых тысяч луков [дать и с их р]одников: „И мы увидим царское жалованье и вашу казачью правду и доброту и постоянство, то будут по нас и всей Гиляцкой землею государю ясак платить, а у нас в Гиляцкой земле будет ясачных людей, которые государю могут ясачным платежом промышлять и тех четыре тысячи луков добрых надежных бойцов, опроче стара и мала, и все мы будем государю послушны и покорны быть в вечном ясачном холопстве навеки неотступными, ясак давать по вся годы“»²⁷.

Приведенные нами сообщения опровергают мнение некоторых авторов, изображавших в самых мрачных красках поведение в «земле гиляков» казаков, отделившихся от Е. П. Хабарова. В то же время становится понятным, почему в дальнейшем правительство решило ни в коем случае не допускать Е. П. Хабарова вновь на Амур.

Хорошо известно, как в феодальной России власти жестоко расправлялись с «бунтовщиками». Но как ни пытался Е. П. Хабаров изобразить Степана Полякова, Константина Иванова (главного помощника Полякова) и их товарищей таковыми, представитель Москвы Дмитрий Зиновьев признал «правду» за ними. Ерофей Хабаров был отстранен от командования Амурским войском, во главе которого был поставлен Онуфрий Степанов Кузнец. Хабаров, Поляков и группа других казаков для окончательного разбора их тяжбы были направлены в Москву. Вместе с ними были посланы и нивхские аманаты.

В Москву нивхи были доставлены в феврале 1655 г. Встретили их с почетом. Из документа видно, что в Сибирском приказе по указанию самого царя Алексея Михайловича «за их приезд государево жалованье дано по 10 рублей человеку и-де корму с приезде до отпуску в дорогу... да по сукну доброму, а корму на две недели...»²⁸. По тем временам это был щедрый подарок: ведь тогда 10 рублей получали в виде годового жалованья лишь сыновья боярские (рядовые же казаки на год имели только 6 рублей).

В Москве нивхи пробыли три месяца. Затем Константину Иванову было дано задание отвезти нивхов обратно на Амур. К сожалению, пока еще не удалось выяснить, смог ли К. Иванов справиться с этим заданием. Дело в том, что к моменту возвращения К. Иванова из Москвы на Лену обстановка в Приамурье резко осложнилась. Но еще

²⁴ Там же, л. 14—16.

²⁵ Там же, л. 16.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 16—17.

²⁸ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 469, состав. 159.

до этого Онуфрию Степанову Кузнецу и его людям довелось несколько раз вновь побывать в «земле гиляков». В 1655—1656 гг. туда пришло одновременно более 600 русских [20, 32], здесь тогда собрались сразу три отряда: основное Амурское войско, отряд Федора Пушина, который, не сумев попасть на Аргунь, пошел вниз по Амуру, и отряд Петра Бекетова, пришедший на Амур через Забайкалье [5, т. 4, 30; 25]. Особенно большое впечатление «земля гиляков» произвела на Федора Пушина²⁹. Историк Сибири акад. Г. Ф. Миллер писал: «Пушин выхвалил Гиляцкую землю яко одну такую страну, в которой при Амуре ясак собирать еще можно. По его мнению, надлежало было ежегодно посылать туда казаков через Охотск, которым средством можно-де удерживать народ в послушании, хотя бы верхняя при Амуре страна вся потерялась...» [цит. по: 32, 623]. И в этом нет ничего удивительного: оказалось, что только зимой 1655/56 г. русские смогли собрать в «земле гиляков»... 4827 соболей! [20, 65].

Как мы уже упоминали, выдающийся советский этнограф Б. О. Долгих в 50-х годах смог разыскать интереснейшую ясачную книгу, которую вели амурские казаки, когда собирали ясак в нижней части Амура [3, 592—600; 4, 127—135]. В этой книге имеются подробные сведения о посещении «гиляцких людей до моря» с осени 1655 и до весны 1656 г.

Вот отрывок из записей о сборе ясака с нивхов: «22 октября 164 [1655] года взято государева ясаку с гиляцких людей с Магонскова улусу с Чакуна 93 соболя, в том числе шуба из 15 пластин... он же в довоз 5 соболей.

11 апреля 164 [1656] года взято государева ясаку с Магонскова улусу с Чакуна в довоз 10 соболей + 2 шубы иноземных из 34 соболей + 10 соболей...

27 сентября 164 [1655] года взято государева ясаку с Кункунскова улусу с Тензеки з гиляцких мужиков 99 соболей, в том числе шуба из 16 пластин соболевых и еще 11 пластин.

Того же дня взято государева ясаку с Ватажинсково улусу с Палачи 46 соболей, а привезен тот ясак после боя и драки, он же в довоз 2 шубы из 28 пластин соболевых, да шуба ветхая из 13 пластин; он же в довоз 1 лису черную за 20 соболей, 2 лисы красные и бурые за 2 соболей, да ополье лисье из 6 пластин за 6 соболей, да 7 соболей, да 7 пластин соболевых.

29 сентября 164 [1655] года взято государева ясаку с Ныкинсково улусу 83 соболя + 2 шубы, в них 34 соболя.

Того же дня взято государева ясаку с Хезинсково улусу с Омисонка 99 соболей, он же в довоз 3 шубы, в них 49 пластин соболевых.

7 октября 164 [1655] г. Тот же Омисонка привез чернобурых лисиц за 2 сорока соболей + 7 соболей + 1 шуба из 18 пластин соболевых.

5 октября 164 [1655] года взято государева ясаку с Таунскова... с Кататра 19 соболей да 2 шубы из 30 пластин.

29 марта 164 [1656] года привез в довоз с того же Таунсково улусу 18 соболей + 1 лиса за 2 соболя и тот улус весь доплатил.

6 октября 164 [1655] года взято государева ясаку с понизовых гиляцких мужиков з двух улусов с Кроминскова да з Дутмытсково с Вебажи да с Сунеги 16 соболей, да 2 шубы из 30 пластин соболевых + 2 лисы за 2 соболей»³⁰.

Далее шел перечень взятого ясака «с Тобохта улусу з Дугды» (6 октября 1655 г.), «с Кунгудансково улусу с Пиехали» (6 октября),

²⁹ ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 4, т. 31, л. 182.

³⁰ ЦГАДА, ф. Якутской приказной избы, оп. 4, кн. 504, л. 25—30.

«с понизовых гиялтцких мужиков с Чагадинскова улусу с Техта» (11 октября), «с усть Амуру с Лагадансково с Негды» (11 октября), «с Тахтынскова улусу с Паталага» (11 октября), «с Меунскова улусу с Чернина» (11 октября), «с Маганзясково улусу с Кахтаная» (21 октября), «с Дебагонскова с Плевуя» (21 октября)³¹.

Еще Б. О. Долгих обратил внимание, что большинство этих нивхских селений в течение последующих трех столетий сохраняли свои прежние названия. Действительно, в подавляющем большинстве приведенных «улусов» нетрудно узнать названия следующих нивхских селений, упоминавшихся этнографом Л. И. Шренком в середине XIX в.: «Магонский», или «Махонский», — Маго; «Ватажинский» — Вайт; «Ныкинский» — Ныкки; «Хезинский» — Хессь; «Меунский» — Мео.

Остальные названия «улусов» нуждаются в уточнении. По предварительному определению Б. О. Долгих: «Кулгунский» — это селение Калго, «Таунский» — сахалинское Танги, «Проминский» — Пронте, «Дутмытский» — сахалинский Дуи, «Тобохта» — Тебах, «Чагаданский» — Чангни, «Лагаданский» — Лангр, «Маганзянский» — Мангаль [3, 599; 4, 132—134]. Без определения Б. О. Долгих оставил «Кунгуданков» и «Дебагонский» улусы. Но последнее название, по нашему мнению, более похоже на Тебах, чем «Тобохта».

Заслуживает особого внимания помета, сделанная 18 декабря 1656 г.: «Взято государева ясаку с Коулинского улусу от Ламскова волоку с рубежу з пиялтцких мужиков с Нунуга 55 соболей + 1 лиса за соболя + 1 шуба из 14 пластин собольих + 10 лисьих пластин за 9 соболей»³².

Уже Б. О. Долгих совершенно справедливо указал, что здесь, в-первых, речь шла о нивхском приморском поселении Коль и, во-вторых, что именно через это селение проходил «рубеж» самой «земли гиялков» [3, 600; 4, 134]. Интересно отметить, что со времени первых русских походов на Амур прошло уже более 300 лет, а западный «рубеж» нивхских поселений остался прежним! Конечно, это можно объяснить лишь особенностями хозяйственного быта и общественного строя нивхов. Селение Коль является самым западным нивхским селением Охотского побережья, где велась относительно успешная рыбная ловля. А так как в прибрежных нивхских селениях участки рыбной ловли традиционно закреплялись за вполне определенными семействами, это способствовало стабильности западного «рубежа земли пиялков» по селению Коль.

Во время этого похода русские узнали, что в «земле гиялков» незадолго до этого был полностью перебит нивхами прибывший со стороны Охотского побережья отряд якутских казаков, во главе которого стоял Оника Логинов. Онуфрий Степанов Кузнец сообщал: «В прошлом во 163 [1654—1655] году зимою иноземцы гиялцкие люди государю изменили и служилых людей Якутцкого острогу Оничку Логинова побили с товарищи 30 человек, а шли-де они, Оничко Логинов с Ламы на великую реку Амур... Гиялцкие люди на великой реке Амур побили и животы их разделили по себе меж собою, а я, Онофрейко, на тех изменников гиялцких людей ходил и языков взял; и на расспросе они, иноземцы, гиялцкие люди, сказали и повинилися: побили-де мы государевых служилых людей 30 человек, а жожа-де мы ламского тунгуса взяли к себе жива, да и ноне-де он, Широка тунгус, у нас жив; и того они ламского тунгуса Широку привезли ко мне, Онофрей-

³¹ Там же, л. 30—33.

³² Там же, л. 33.

ку, в войско и тот, Широнка, сказал: вел-де я через Камень с Ламы на великую реку Амур служилых людей Якутского острогу Оничка Логинова с товарищи тридцать человек, и тех-де служилых людей Гиляцкие люди побили, а живот их и ружье разделили по себе; и я, Онофрейко, под юртами находил многие казачьи признаки, ружье и всякой брошень, и я, Онофрей, проведав допряма, им, иноземцам, по государеву указу давал наказанье, кто чего довелся, и, дав наказанье, привел их к шерти и отпущал по своим улусам и по урочищам, где кто был прежде» [5, т. 4, 81—82].

Сбор ясака в «земле гиляков» в 1655—1656 гг. был настолько удачным, что русские пришли к мысли о необходимости создать здесь новый русский острог. Федор Пущин в одной из своих «отписок» с Амура сообщал в Якутск, что в 1655—1656 гг. он и его спутники «острог в гиляцкой земле поставили»³³. Некоторые из исследователей полагают, что именно этот острог позже стал известен под названием «Косогорского». Но это заключение еще требует дополнительной проверки, так как имеются некоторые источники XVII в., не согласующиеся с таким взглядом [31, 91].

Русские продолжали успешно собирать ясак в «земле гиляков» и зимой 1656/57 г., и зимой 1657/58 г. Однако летом 1658 г. положение русских в Приамурье осложнилось. Маньчжурам, сумевшим незаметно выйти из Сунгари и пробраться в лабиринте островов среднего Амура, удалось в результате внезапного удара нанести поражение главному отряду русского войска. Онуфрий Степанов Кузнец и 209 его товарищей пали смертью храбрых. Все же свыше ста русских уцелели и под командой Артемия Петриловского, племянника Е. П. Хабарова, укрылись в «земле гиляков». В каких именно местах они зимовали, пока не установлено. Однако достоверно известно, что зиму они провели спокойно и весной следующего, 1659 г. смогли без приключений подняться до верхнего Амура, где разделились. Одни вышли на Тугирский острожек и далее по Олекме на Лену, другие — присоединились на реке Нерчи к Афанасию Пашкову. Отряд А. Пашкова был отправлен из Енисейска «в Дауры» еще в 1656 г. Однако, прочно обосновавшись в Нерчинске, А. Пашков так и не решился совершить поход на Амур. Помешали осуществлению этого замысла, во-первых, острый недостаток продовольствия и, во-вторых, тревожные известия о гибели на Амуре основной части отряда Онуфрия Степанова Кузнеца. Но все-таки временами до Пашкова доходили отдельные сведения о судьбе амурских казаков. Так, в одной из отписок, отправленной Пашковым из Нерчинска в 1660 г., сказано: «А в Даурской государственной земле остались служилые люди немногие, и те живут в гиляцкой земле у моря, питаются рыбою»³⁴. Это же известие побудило группу участников похода Пашкова, сильно страдавших от голода, тогда же самовольно уйти из Нерчинска на Амур к «земле гиляков». Возглавлял эту группу некий Тимофей Полетай [20, 34; 35, т. XVI, 55]. До Пашкова дошли сведения о том, что группа Полетая смогла даже дойти «до гиляков». Но назад ей уже не довелось возвратиться. Видимо, казаки этой группы были истреблены жителями Амура. По крайней мере, таково было мнение Пашкова, который писал: «Гиляцкие мужики всех побили» [35, т. XVII, 55].

В 60-х годах вновь возродилась идея организации походов со стороны Охотского моря. К сожалению, до сих пор нам остается неизвест-

³³ ЛОААН СССР, ф. 21, оп. 4, кн. 31, л. 181.

³⁴ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 508, л. 313.

ным, удалось ли в 60-х годах XVII в. охотским служилым людям вновь побывать в «земле гиляков». В одной из росписей острогов и зимовьев, подчиненных Якутскому острогу, имеется упоминание о том, что кочи из Охотска добегают до устья Амура «дён с 10» [10, 68]. Но пока в документах Якутска не удалось найти каких-либо сведений о таком плавании. И потому не исключена возможность, что здесь просто было перефразировано сообщение поярковцев 1645 г. о том, что морские суда могут доплыть «на прям... с устья Амура до Ульи (а не Охоты. — Б. П., Ч. Т.) парусным погодием дней в 10» [11, 551]. Все же это могло относиться и к какому-нибудь еще нам неизвестному плаванию (вроде морского похода Оники Логинова).

В последние годы в литературе (особенно польской) часто появляется версия о том, что в те же годы к устью Амура по морю к нивхам плывал польский военнопленный Адам Каменский-Длужик. В его воспоминаниях действительно рассказывается о том, что на устье Амура он смог попасть «к людям, которые называются гиляками». Он утверждал, что гиляки «ездят на медведях и так ими управляют, как у нас конями, но обрезают им когти и вытаскивают им зубы и кормят их в стойлах, как волов, и едят их также». Он справедливо указывал: «Там хлеба нет, лишь звери и рыба, однако дают царю дань очень большую». Внешний вид нивхов он описывал следующим образом: «Женщины — очень гладкие, высокие, имеют кольца в нижней губе, а мужчины в носу — медные и серебряные» [33, 387; 12, 127]. Но вряд ли Каменский-Длужик действительно был у нивхов-гиляков. По его словам, он попал в устье Амура в 1659 г. [33, 387] (т. е. тогда, когда там находилась группа А. Петриловского). Но нами документально установлено, что в 1659 г. Каменский-Длужик еще находился в пути через Сибирь [19, 51]. В Якутск он смог прибыть только в августе 1662 г. [19, 51—52]. Как явствует из документов Якутской приказной избы, в последние годы пребывания в Якутске (1665—1667) Каменский-Длужик служил «дворским», т. е. тюремным надзирателем (о чем он предпочел не упоминать в своих воспоминаниях). Для совершения путешествия к устью Амура остаются, таким образом, 1663—1664 годы. Но само описание этого путешествия заставляет лишний раз усомниться в правдивости автора. По словам Каменского-Длужика, устья Амура он достиг в ходе «плаванья... из Жиган к Индигирке» и далее морем к «земле гиляков» [см. 33, 386—388]!

Конечно, возможно, что в период с осени 1662 до конца 1664 г. Каменский-Длужик действительно побывал в Жиганах, но у нас нет никаких оснований считать, что в 1663—1664 гг. русским удалось совершить необыкновенное плавание на кочах — проплыть морем от Лены до «земли гиляков». Установлено, что Каменский-Длужик лично знал С. И. Дежнева и М. В. Стадухина [19, 52] и именно от них он мог услышать о том, что Восточная Сибирь с севера и с востока омывается морями. Очевидно, поэтому Каменский-Длужик и счел возможным выдать себя за участника им же придуманного грандиозного плаванья. Тем не менее к его сообщению о гиляках-нивхах следует относиться внимательно. Вероятно, он повторял рассказ какого-то русского землепроходца, который сам бывал в «земле гиляков», возможно, в 1659 г.

Сведения, собранные русскими землепроходцами в 40—50-х годах XVII в., принесли большую пользу при составлении первых русских географических чертежей, на которых появилось изображение «земли гиляков». Известно, что весной 1642 г. ленский картограф Курбат Иванов по заданию якутского воеводы П. П. Головина составил географический чертеж Ленского края с изображением и тех земель, «куда

ходили люди Дмитрия Копылова», т. е. Ивана Москвитина [13, 49]. Чертеж этот не дошел до наших дней, но есть все основания думать, что именно на нем было дано самое раннее русское изображение «земли гиляков». Более подробно этот район был показан на чертеже участников похода В. Д. Пояркова. Но этот чертеж был утоплен осенью 1645 г. на р. Мае [11, 547]. Не дошли до нас и географические чертежи амурских казаков 50-х годов XVII в. Известно, что в прошлом они хранились в архивах приказной избы Якутска и Сибирского приказа в Москве. В сибирской столице — Тобольске — их не было, и поэтому в 1667 г. там по опросу разных лиц пришлось сделать новые чертежи различных районов Сибири, в том числе и чертеж нижнего Амура с изображением «земли гиляков», который вошел в качестве «прилога» в состав чертежа Сибири 1667 г. В самой росписи чертежа Сибири 1667 г. было сказано: «А от устья Хамуна [Амгуни] реки вниз же по Амуру реке и до моря до Гилянской земли ходу 2 недели; и те гиляки живут подле моря, а хлеба не сеют, питаютца рыбою» [31, 54]. В росписи чертежа Сибири 1673 г. это сообщение давалось уже в несколько другой редакции: «А с устья Хамунского до устья Амурского до моря плыть 2 недели; а от Хамуна до моря, и подле моря живут Гилянские люди, а хлеба не сеют, питаются рыбою, а ездят на медведях» [31, 49]. А в конце этой же росписи приводилось уже совершенно фантастическое сообщение: «А прошед через камень [с Колымы!], приходят на реку Анадырь и тут промышляют кость рыбою. А на той земле живут Гилянские люди: а против устья Камчатки реки вышел из моря столп каменный, высок без меры, а на нем никто не бывал. А которые реки в Гилянской земли, и тем рекам имяна подписаны» [31, 54].

Происхождение этого весьма произвольного утверждения о месте обитания «гиляков» (нивхов) раскрывается очень просто. Автор данного текста явно сам никогда не был в дальневосточной части Сибири, но он имел перед собой общий чертеж Сибири, на котором надпись «гиляки» или «земля гиляков» была сделана столь размашисто, что невольно создавалось впечатление, что все дальневосточные реки от Анадыря до Амгуни и Амура находятся в «земле гиляков». И именно к ним и относится особая оговорка в росписи чертежа Сибири 1673 г.: «А которые реки в Гилянской земли, и тем рекам имяна подписаны».

Известно, что текстом росписи чертежа Сибири 1673 г. пользовался во время поездки по Сибири Н. Г. Спафарий — глава русского посольства, посланного в Китай. В связи с этим в его сочинениях не раз повторялись указанные ошибочные утверждения относительно «земли гиляков». Но вместе с тем в конце 1675 г. во время краткого пребывания в Нерчинске Н. Г. Спафарий смог собрать от бывалых амурских казаков и ряд новых данных о «земле гиляков», которые и использовал при составлении своего знаменитого «Описания (или „Сказания“...) о великой реке Амур» [см. 1, 245—254]. В этом сочинении, которое, как теперь выяснилось, является литературным дополнением к региональному маршрутному чертежу всего Амура [см. 17], имеется целый ряд сведений о гиляках-нивхах. Первое сообщение явно заимствовано из росписей чертежей Сибири 1667 и 1673 гг.: «С устья той реки (Хамуна—Амгуни) до моря, до Гилянския земли и до устья Амурского плыть 2 недели, и подле того моря земля Гилянская. А в той Гилянской земле впади реки в море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Товуй, 4) Тодуй, 5) Пенжин, 6) Камчатка, а против той Камчатки столб каменной, высок горздо, 7) река Чулдан, 8) Анадырь...» [31, 109—110].

Другие сообщения о гиляках были записаны Н. Г. Спафарием явно со слов бывалых амурских казаков: «А на устье Амурском живут мно-

гие иноземцы, гиляки, и рассказывают те гиляки, что из устья Амурского, вышед на море, в левую сторону идти подле земли к Ламе-реке и тут обретаются леса многие и великие горы...» [31, 112].

Краткие сведения даются и о землях, расположенных «в правую сторону» от устья Амура: «Гиляки, которые там живут, рассказывают, что они по морю ездят подле берег, потому что у них суды небольшие, поднимают человек 20, для рыбного промыслу, и пристают, обыскав высокий берег, к земле...» [31, 112—113].

Но самой большой известностью в литературе пользуется сообщение Н. Г. Спафария об о-ве Сахалин. В различных списках «Сказания...» или «Описания о великой реке Амур» оно читается по-разному. Наиболее любопытный вариант этого описания «великого острова» имеется в копии, хранящейся в Пушкинском доме (собрание В. Н. Перетца, № 182): «А живут на нем иноземцы многие — гиляки породой. А юрты у них деревянные, а носят летом платье из кож рыбьих, а зимою носят шубы собачьи. А ездят зимою на собаках нартами, а летом в лотках деревянных, держат в улусах своих собак по 300, и по 400, и по 500, и больше, и медведей кормленных держат, а ядят они рыбу, и собак, и медведей, и всякие морские звери» [цит. по: 20, 35].

Анализ всех сообщений Н. Г. Спафария о «земле гиляков» ясно показывает, что он пользовался известиями участников самых различных походов — и москвитинцев, и пояркоцев, и спутников Е. П. Хабарова и А. Ф. Пашкова. В свою очередь, Н. Г. Спафарий сам способствовал дальнейшему распространению этих известий не только по России, но и за ее пределами. Так, давно уже известно, что именно «Сказание о великой реке Амур» Н. Г. Спафария легло в основу аналогичного описания Амура голландского географа Н. Витсена в его книге «Северная и восточная Татария» [37, 73—75]. В этой же книге Н. Витсена также встречается множество других сообщений о «гиляках» (нивхах) [36, т. I, 2; т. II, 30, 32, 36, 54; 37, 67—68, 106, 884 и сл.]. Имеется даже особая статья «О народе гиляки или гилийском...» («Van de Volken Giliaki of Gilaitski») [37, 106—116]. Все они, как правило, основаны на русских источниках.

Новейшие исследования позволили более подробно проследить всю историю проникновения в Западную Европу самых ранних русских известий о «гиляках» (нивхах). Если раньше кое-кто из исследователей относил появление в Западной Европе самых ранних русских известий о гиляках к 60-м годам XVII в., то теперь стало очевидным, что эти утверждения были основаны лишь на домыслах. На самом деле про гиляков в Западной Европе впервые узнали лишь в 70-х годах. Именно тогда из России были вывезены первые копии общих чертежей Сибири 1667 и 1673 гг. и их росписей, в которых упоминались гиляки. Так, «земля гиляков» уже была изображена на одном из чертежей всей Сибири, включенном в альбом «Московия», который в 1674 г. был поднесен шведскому королю Карлу XI Эриком Палмквистом, участником шведского посольства 1673 г.

Изучение ранней деятельности Н. Витсена показало, что он «землю гиляков» нанес на свой ранний набросок карты Татарии еще в конце 70-х годов. В 1685 г. бургомистр г. Девентера Х. Кюпер в своей ранней характеристике наброска карты Татарии Н. Витсена упоминал, что на ней уже были нанесены места обитания гиляков — «giliaki» [36, т. I, 2].

Первые сведения о гиляках в Восточную Европу были доставлены несколько раньше. Известно, что сочинение А. Каменского-Длужика о Сибири было написано вскоре после его возвращения в Польшу в первой половине 70-х годов XVII в.

Таким образом, русские известия о гиляках сравнительно быстро стали достоянием мировой географической науки.

Итак, собранные в середине XX в. новые данные о прошлом нивхов значительно расширили наши представления по истории древнейших русско-нивхских связей.

Теперь уже можно считать твердо установленным, что русские впервые узнали о существовании «пиляков» (нивхов) еще в первой половине 1640 г. Осенью 1644 г. русские впервые вступили в прямой контакт с нивхами и уже тогда предприняли первую попытку подчинить их России. В течение почти двух десятилетий русские считали нивхов подданными русского государства и потому вели среди них сбор ясака.

Таким образом, уже тогда в России смотрели на «землю гиляков» как на составную часть обширной русской земли. Вторжение маньчжуров в среднюю часть Амура в 1658 г. значительно осложнило сношения русских с «землей гиляков». Но и после этого русские делали попытки возобновить связи с гиляками. И если в 60-х годах XVII в. они были малоуспешными, то уже с 80-х годов XVII в. русские вновь начали свое продвижение в сторону «земли гиляков».

В самом начале 80-х годов XVII в. русские казаки, жившие в Тугурском и Удском острогах, предприняли новые походы на р. Амгунь. Там же вскоре появились албазинские казаки во главе с Гавриилом Фроловым. Соединившись на Амгуни вблизи устья Немилена, эти два отряда предприняли поход в низовья Амура. Впоследствии участники его рассказывали: «Они же-де Албазинские и Якуцкие служилые и промышленные люди ходили с усть Немилены-речки на Амур-реку к новым неясачным иноземцам, к гилякам и наткам, чтоб тех новых неясашных иноземцев призвать под самодержавную великих государей высокую руку в ясачный платеж»³⁵. Но и эта попытка оказалась безуспешной: «натки» (нанайцы) и «гиляки» (нивхи) «учинили бой», во время которого были убиты два албазинских, один нерчинский, один якутский казака и два якутских промышленных человека³⁶. Через нанайцев известие об этом инциденте дошло до маньчжурских властей, и последние поспешили воспользоваться создавшейся ситуацией для расширения своего влияния на севере.

После 1686 г. возобновились походы нивхов в западную часть Охотского побережья, что привело к созданию небольшого нивхского поселения на Тугуре и, наконец, к появлению на Шантарских островах нивхских охотников в зимний период, следы пребывания которых и удалось обнаружить русским в 1713—1717 гг.

Посылая военный отряд в низовья Амура, маньчжуры надеялись сами постепенно подчинить нивхов своей власти. Однако свободолюбивые нивхи, охотно вступавшие в торговые отношения с маньчжурскими купцами, решительно отказались подчиняться маньчжурским властям. После же заключения в 1689 г. Нерчинского договора территория, расположенная к северу от низовьев Амура, была официально признана не разграниченной между Россией и Китаем. Поэтому не удивительно, что в начале XVIII в. русские на Дальнем Востоке неоднократно слышали от бродячих якутских, эвенкских и эвенских торговцев, что нивхи продолжают сохранять свою независимость. В справедливости этих сообщений русские смогли удостовериться лично, когда группе русских моряков удалось (около 1730 г.) совершить успешное плавание из кам-

³⁵ ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, ст. 1084, л. 167—169.

³⁶ Там же, л. 169.

чатского Большерецкого острога в «землю гиляков». Позднее участник этого плавания матрос Илья Скурихин сообщал: «А на том устье [Амура] живут иноземцы, прозоваемы гиляки, тысяч с сорок (?) по морскому берегу и по островам, а те иноземцы вольные и никому ясаку никакова не платят и ни у кого в подданстве, да у тех же иноземцем у всякого человека в ноздре по кольцу, а огненного оружия не имеют, а имеют луки, стрелы и копья...»³⁷. Скурихин рекомендовал русским властям попытаться войти в контакт с независимыми «гиляками» (нивхами).

В середине XVIII в. некоторые нивхи через бродячих купцов сообщали в Удский острог о своем желании получить покровительство со стороны русских. Уже во времена Второй Камчатской экспедиции кое-кто из русских моряков, например знаменитый Алексей Чириков, рекомендовали правительству создать военную крепость в центре «земли гиляков» на устье Амура [2, 210; 20, 77].

При сибирских губернаторах В. А. Мятлеве и Ф. И. Соимонове были предприняты в этом направлении первые шаги, однако царское правительство отказалось поддержать инициативу сибирских властей [20, 77—78].

В середине 80-х годов XVIII в. до русских властей в Сибири вновь дошли известия о том, что «гиляки» (нивхи) хотят принять покровительство России.

2 марта 1788 г. иркутский генерал-губернатор И. В. Якоби писал Екатерине II: «Гиляки, ищущие теперь частия быть подданными Вашими, и с ними другие роды и поколения, населяющие здешнюю сторону Амура, увидят благоприятнейшее время следовать внутреннему их побуждению повергнуть прошение свои пред престолом Вашим о призрении их и покровительстве. Безспорно примут тогда и китайцы матерые (их племена) призрение и, конечно, им будет давнее и неопровержимое право Вашего Величества на народы тамошние и правую сторону Амура, так как оной тогда еще принадлежал России и обитатели тамошние платили тогда еще подати, когда китайцы об оных и сведения не имели»³⁸.

И. В. Якоби предлагал немедленно восстановить подданство гиляков и срочно направить к ним отряд русских солдат с целью создания в «земле гиляков» русского порта, «магазинов», казарм, «мастеровых верфей», а также создать там военные укрепления³⁹. Он настаивал на непременно оказании помощи гилякам: «Можно бы надеяться, что племя сие не отступит от желания своего, но, когда не будет видеть нас готовыми защитить их, то, может быть, наконец, по неосновательности своей истожа свое желание последовать внушениям китайским, чтобы тревожить нас в тамошних заведениях. Напротив того, всякие там укрепления подаст им совсем другие мысли, что им же самих можно противопоставить китайским предприятиям, ежели оныя были, и потому необходимым полагаю, зделав тут полевые укрепления с углублением — рвами и возвышением бруствера, чего уже и довольно будет, чтобы и самим китайцам навести страх и уважение, которое там будет больше, что и морские силы Вашего Величества послужат им напоминанием о том уважении к высочайшему двору Вашему, какие имеют просвещенные народы»⁴⁰.

³⁷ ЦГАДА, д. 248, л. 28, л. 77.

³⁸ ЦГАВМФ, ф. Канцелярия Адмиралтейств-коллегии, д. 585, л. 188.

³⁹ Там же, л. 185.

⁴⁰ Там же.

По распоряжению И. В. Якоби в Удский острог для переговоров с нивхами был отправлен специальный эмиссар Атласов, который, однако, из-за запойного пьянства свою миссию исполнить не смог [7, 102]. В 1789 г. к нивхам из Удского острога был направлен другой эмиссар вместе с мореходом Л. Ф. Терентьевым. На этот раз встреча с нивхами состоялась, но результаты переговоров до сих пор остаются неизвестными [20, 85—86]. Вскоре Екатерина II дала отставку главному инициатору этих переговоров Якоби, и связь с нивхами была вновь прервана.

Между тем интерес сибирских купцов к «земле гиляков» не угасал. Некоторые из них (например, братья Стручковы) усиленно добивались получения официального разрешения на право торговли с южными народами, в том числе и с нивхами [7, 101].

Нельзя считать случайностью, что в самом начале XIX в. правительство Александра I сочло нужным поручить И. Ф. Крузенштерну ознакомиться с Северным Сахалином и устьем Амура — главной зоной обитания нивхов. К сожалению, из-за большой спешки И. Ф. Крузенштерн провел там свои исследования недостаточно внимательно и в результате сделал ряд ложных заключений относительно нивхов. В 1849 г. Г. И. Невельскому и его сподвижникам удалось внести существеннейшие коррективы в ошибочные выводы Крузенштерна [23, 111—115].

В 1849 г. Г. И. Невельской смог еще раз убедиться в том, что нивхи сумели сохранить свою независимость от их южных соседей. Более того, в опознании в 1953 г. в Архиве Географического общества СССР подробном отчете Г. И. Невельского 1849 г. приводится целый ряд данных, которые свидетельствуют о крайне отрицательном отношении нивхов к маньчжурам. «Нелюбовь же их и боязнь к маньчжурам, — писал Г. И. Невельской, — можно было видеть во многом. Например, в одной деревне, когда мы уже ознакомились и называли их гиляками и они убедились, что мы не маньчжуры, то в доказательство их к нам расположения втыкали в землю палки, называя их маньчжурами, и потом с сердцами сколачивали одну за одной» [22, 117; 23, 111]. Уже в 1849 г. нивхи, убедившись в весьма гуманном к ним отношении со стороны русских моряков, решили обратиться к русским с просьбой защитить их как от маньчжуров, так и от приходящих с моря иностранных, главным образом американских, китобоев. С этой целью в 1850 г. в Аян делегатами от нивхов были посланы два весьма влиятельных нивха — Позвейн [см. 14] и Паткен⁴¹. Просьба нивхов была выполнена: с 1850 г. «земля гиляков» окончательно стала частью Российского государства.

Восстанавливая власть России над гиляками, Г. И. Невельской неоднократно в своих официальных заявлениях подчеркивал, что «земля гиляков» была составной частью Русского государства еще в середине XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев Ю. В. О происхождении «Сказания о великой реке Амуре», — ИРГО, 1882, № 4.
2. Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков, М., 1953.
3. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., — ТИЭ, Новая серия, т. LX, М., 1960.

⁴¹ См. ЦГАВМФ, ф. 410, д. 415, л. 15; см. также [14; 23, 115—119].

4. Долгих Б. О. Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам,— «Сборник статей по истории Дальнего Востока», М., 1958.
5. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией, т. 2—6, СПб., 1846—1857.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней, т. 2, Л., 1968.
7. Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. I, СПб., 1860.
8. Окладников А. П. Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура,— ИВГО, 1955, № 5.
9. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов, составлен Н. С. Орловой под редакцией А. В. Ефимова, М., 1951.
10. Полевой Б. П. Доходил ли Иван Москвитин до устья Амура?,— «Материалы отделения истории географических знаний Географического общества СССР», Л., 1962, вып. 1.
11. Полевой Б. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине (1644—1645 гг.),— ИВГО, 1958, № 6.
12. Полевой Б. П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. (О сочинении Адама Каменского-Длужика),— СЭ, 1965, № 5.
13. Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640—1645 гг.),— ИВГО, 1960, № 1.
14. Полевсий Б. П. Нивх Позвейн, сподвижник Г. И. Невельского,— «Советский Сахалин», 20. XII. 1970.
15. Полевой Б. П. Новое об Амурском походе В. Д. Пояркова (1643—1646 гг.),— «Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969)», Новосибирск, 1973.
16. Полевой Б. П. Новое о Г. И. Невельском,— сб. «Путешествия и географические открытия в XV—XIX вв.», М.—Л., 1965.
17. Полевой Б. П. Новое о происхождении Сказания о великой реке Амуре,— сб. «Рукописное наследие древней Руси. По материалам Пушкинского дома», Л., 1972.
18. Полевой Б. П. Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Расспросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 года),— «Труды Томского областного краеведческого музея», 1963, т. VI, вып. 2.
19. Полевой Б. П. О пребывании в России Адама Каменского-Длужика — автора первого польского сочинения о Сибири (Новые документы),— сб. «Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii», Wrocław, 1972.
20. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина, Южно-Сахалинск, 1959.
21. Полевой Б. П. Первые известия сибирских казаков о японцах (1652—1653 гг.),— «Краткое содержание докладов годичной сессии Института этнографии 1970 г.», Л., 1971.
22. Полевой Б. П. Подробный отчет Г. И. Невельского о его исторической экспедиции 1849 г. к о-ву Сахалин и устью Амура,— «Страны и народы Востока», вып. XIII, М., 1972.
23. Полевой Б. П. Этнографические наблюдения Г. И. Невельского (1849 год),— СЭ, 1955, № 4.
24. Попов П. Н. О Тырских памятниках,— ЗВОРАО, т. XVI, СПб., 1906.
25. Сем Ю. А. Походы Онуфрия Степанова по Амуру и Уссури,— «Сообщения ДВ фил. СО АН СССР», вып. 15, 1962.
26. Степанов Н. Н. Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII в.,— ИВГО, 1958, вып. 5.
27. Таксами Ч. М. Географические представления нивхов и их использование русскими исследователями Сахалина и низовьев Амура,— ИВГО, 1969, № 4.
28. Таксами Ч. М. Нивхи. Современное хозяйство, культура и быт, М.—Л., 1967.
29. Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и Западного побережья Сахалина (середина XIX — начало XX в.),— «Сибирский этнографический сборник», вып. III, ТИЭ, новая серия, т. XIV, М., 1961.
30. Таксами Ч. М. Фольклорные материалы об истоках этнических и культурных связей народов Нижнего Амура и Сахалина,— «Фольклор и этнография», Л., 1970.
31. Титов А. А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях, М., 1890.
32. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, СПб., 1774.

33. Kamiński-Dłużyk A. Dyaryusz wiśzienia moskiewskiego miast i miejc,—
Warta. Książka zbiorowa ofiarowana ksidzu Franciszkowi Bazýńskiemu proboszczo-
wi przy kościele św. Wojciecha w Poznaniu na Jubileusz 50-letniego kapłaństwa w
dniu 23 kwietnia 1874 r. od jego przyjaciół i wielbicieli. (Публикация Кс. А. Ма-
рыански), Poznań, 1874.
34. [Kannemon], Jesso-ki ou Description de l'île d'Jesso avec une Notice sur la
revolte de Samsay-in, composée par l'interprète Kannemon et publiée le huitième
mois de la seconde année du Nengo Forekki ou en 1652 — Annales de voyages, publ.
par Malte — Brun, т. XXIV, Paris, 1814.
35. Pascal P. La Conquête de l'Amour. Les Campagnes de Pascov,— «Revue des
Etudes Slaves», т. XV—XVI, 1949—1950.
36. Witsen N. Noord en oost Tartarye, т. I—II, Amsterdam, 1962.
37. Witsen N. Noord en oost Tartarye, and ed., Amsterdam, 1705.